

ДО НОВОГО ГОДА оставались считанные дни, а студенческий вечер все еще был под угрозой срыва. Член комитета комсомола и председатель профкома Института цветных металлов и золота обзвонили десяток залов, но всюду услышали один ответ: — Занято!

Приунывшая комиссия собиралась уже сложить с себя полномочия, когда в двери профкома вдруг постучался ангел-спаситель. Он явился в образе руководителя никому не известного джаз-оркестра Маркова-Самойлова. У него был проникновенный артистический взгляд и пухлая папка под мышкой. Проанализировав надтреснутым голосом делового человека он предложил растерявшимся от радости студентам несколько залов — на выбор.

— Однако я думаю, — закончил он скромно, — что больше всего вам подойдет Большой зал консерватории.

Студенты, конечно, не возражали: что может быть лучше!

— Но мы только что обращались в консерваторию. Нам отказали.

Марков покачал головой:

— Эх, молодо — зелено, — и предложил студентам пройтись с ним на квартиру к одному его знакомому — Михаилу Яковлевичу Миркину.

В отличие от среднего, рядового, так сказать, чудотворца Марков-Самойлов не дул на воду, не гудел и не выкрикивал заклинаний. Тем не менее все дальнейшее смахивало на настоящую сказку. Пришли к Миркину. Миркин позвонил по телефону раз, другой, а затем объявил студентам, что все в порядке. Студенты не знали, как и благодарить Миркина и Маркова. Но они и тут пришли им на помощь.

— Ступайте сейчас в консерваторию и подписывайте договор. Согласно договору, переведите в банк за амортизацию зала три тысячи рублей. А нам заплатите одиннадцать тысяч рублей.

— Где же мы возьмем такие деньги? — оторопели представители студенческой общественности.

И этот вопрос не застал Маркова и Миркина врасплох.

— В зале 1720 мест, — торопливо зашептали они, — в консерватории вам дадут билеты, вы их продадите, а цену укажите повыше — вот вам и деньги.

Не успели студенты написать письмо в консерваторию, как заместитель директора по хозяйственной части Нужин внезапно подобрел и распорядился предоставить зал институту.

Студенты стали деятельно готовиться к торжеству. Красочные афиши в коридорах возвестили о новогоднем концерте с участием видных, уважаемых артистов. Был обещан и джаз легкого западного направления.

Билеты, конечно, быстро раскупили. Осталось совершить последний, формальный, так сказать, акт: передать Миркину через Маркова деньги. И тут кто-то воскликнул:

— Простите, а почему, собственно, мы должны отдавать им деньги? Ведь по договорам все уже оплачено: и артистам и за аренду зала...

С этим вопросом студенты обратились к Маркову.

— Без дополнительных расходов вы бы не имели ни сцены, ни артистов, — терпеливо разъяснил он.

Но студенты не захотели передавать деньги Маркову с глаза на глаз. Они позвонили в УВХСС.

И вот, когда Марков, получив деньги, собирался направиться с ними к Миркину, он был пойман с поличным. При нем оказались билеты и контрамарки во многие театральные и концертные залы, афиши, бланки договоров и трудовых соглашений.

На новогодний вечер Марков пришел с пустыми руками и мировой скорбью в глазах.

— Будем играть бесплатно. Денежки-то того, тью-тью. Отобрали, — сообщил он собратям по искусству.

Оркестранты заскучали. Джаз легкого западного направления играл в тот вечер на удивление вяло...

Вскоре выяснилось, что история с вечером Института цветных металлов и золота в Большом зале консерватории — это лишь один из эпизодов бурной предпринимательской деятельности Миркина и Маркова. Только в последнюю предновогоднюю неделю они организовали концерты для студентов еще четырех московских вузов — автодорожного, экономического, тонкой химической технологии и педагогического института иностранных языков. Во всех этих случаях техника дела была одна и та же. Марков бегал по комсомольским комитетам

и профсоюзам, а Миркин, не выходя из своей комнаты, обзванивал знакомых артистов и администраторов. Львиная доля денег доставалась Миркину. Изрядный куш получал и Марков со своими сомнительными оркестрантами...

Григорию Левцову, с которым мы хотим теперь познакомиться читателя, далеко до друзей-предпринимателей. Но и он делега с размахом. Когда Левцова вышибли из аспирантуры Библиотечного института за аморальные поступки, он горевал недолго. «Семьсот рублей аспирантской стипендии — не такая уж большая сумма, чтобы жалеть о ней», — решил он. Перебрав в уме девять способов заработать деньги, не прилагая мускульных и интеллектуальных усилий, он остановился на десятом. Левцов отправился в клубы и убедился, что среди руководителей этих культурно-просветительных учреждений еще немало ротозеев.

Ротозен с удовольствием хватался за предложение Левцова, который, кстати, рекомендовал себя Алексеем Кривцовым, устроить небольшой платный концерт. Но сам Левцов не пел, не танцевал, не ходил по проволоке и не жонглировал. Поэтому надо было найти людей, которые могли бы все это проделывать. Он отправлялся на Неглинную улицу, где у помещения ВГЮ всегда толкуются люди, желающие выступать в концертах, но не имеющие на это ни прав, ни способностей, ни талантов. Левцов быстро комплектовал концертную бригаду, с одинаковой охотой готовую играть на похоронах или петь на свадьбе.

Здравый смысл, однако, подсказывал комбинатору, что такую бригаду не пустят и на порог клуба, что «это пока лишь гарнир. Нужна хотя бы одна известная фамилия!»

Куплетиста «Яшу-Большого» или чечеточников братьев Подшиваловых можно нанять и за тридцатку, а «фамилия» меньше чем о трех сотнях и говорить не станет. Но что такое три сотни для дельца, когда с клуба он намерен содрать не одну тысячу!

Клуб шпильс-кагушечной фабрики переполнен. На сцене идет представление. За сценой — торг.

— Второе отделение не начнем, пока не уплатите денег! — объявляет Левцов директору клуба Леониду Ивановичу Кладовскому. Кладовский же боится, что его надуют.

— Вы ведь мне обещали «Пять минут», — напоминает он.

— Будет у вас и «Пять минут», будет и «Хорошее настроение». А деньги давайте сейчас.

Трудно предположить, чем бы закончилась дискуссия, если бы за кулисами не появилась молодая, но уже популярная актриса. Деньги из рук директора тотчас же перешли в карман дельца, а со сцены послышалось:

Пять минут.
Пять минут.
Розобратся если строго,
Даже в эти пять минут
Можно сделать очень много...

Падают занавес. Левцов расплачивается со своей бригадой и исчезает: до новых встреч, до новых концертов!

Читателю, наверное, уже давно хочется спросить авторов:

Когда в денежно-эстетические отношения с миркиными, марковыми и левцовыми вступают служители Мельпомены, вроде спившегося куплетиста «Яши-Большого», это еще понятно. Но зачем же нужны они известным и, как обмолвились авторы, уважаемым артистам?

Этим артистам не заказаны дороги на сцену концертных залов. Зачем, скажем, Сергею Мартинсону, Михаилу Кузнецову, Константину Сорокину и другим пробираться на сцену черным ходом, вместо того, чтобы пройти через широкий театральный подъезд? А ведь это они охотно участвуют в концертах, организуемых дельцами Миркиным и Марковым.

Послушаем же самих артистов:

Михаил Кузнецов: «Люблю, знаете ли, выступать перед студенческой молодежью. Чуткая, отзывчивая публика...»

Константин Сорокин: «Мне позвонили от Михаила Яковлевича Миркина. Как-то неудобно было не уважить старика».

Сергей Мартинсон: «Как? Неужели это был левый концерт? А я-то думал, что выступаем от Госэстрады!»

Трудно, трудно этим уважаемым товарищам рассказать об истинных причинах, их соблазнивших. Дело, конечно, не в любви к студентам и не в симпатиях к Михаилу Яковлевичу. Просто Михаил Яковлевич платит за выступление на полсотни, а то и на всю сотню рублей больше, чем государственные концертные организации.

Что и говорить, мотивы не очень-то благовидные! И нам кажется, что история эта должна заинтересовать не только фининспекторов. Ведь в левых, как их называют в артистической среде, концертах на сцену вместе с хорошими артистами проникают халтурщики, которые несут пошлятину, потрафляют мещанским вкусам, наносят большой вред

эстетическому воспитанию молодежи.

А сам артист? В погоне за наживой, выступая в сомнительном окружении, он только позорит свое имя. И особенно обидно за того молодого, способного артиста, чья слава исчисляется пока лишь какими-нибудь пятью минутами и которую так легко растерять, разменять на пустяки. Ему кажется, что, получив лишние пятьдесят рублей, он стал богаче. На самом же деле он только обокрал и себя и свой талант. А этого ни за какие деньги не вернешь.

Еще год назад комсомольцы Института кинематографии предупреждали увлеченную легкими заработками Людмилу Гурченко. Ее партнеров наказали тогда очень строго, с Людмилой же обошлись мягко: все-таки талантливая, снималась в главной роли, неудобно как-то. Снисходительность товарищей не пошла молодой актрисе впрок. Для виду покаившись, она вскоре снова отправилась в очередные вояжи. Концерт в клубе шпильс-кагушечной фабрики, о котором мы уже рассказывали. Концерт в Подрезкове. Концерт в Апрелевке. Концерт в Дубне... И в помине нет уже у начинающей двадцатидвухлетней артистки робости перед зрителем, того душевного трепета, который переживает каждый настоящий художник, вынося на суд зрителей свое творчество.

Какое уж тут творчество! Людмила снова и снова рассказывает эпизоды из своей биографии, а так как говорить-то ей, собственно, пока не о чем, и сделано ею еще очень мало, она дополняет этот рассказ исполнением все тех же песенок из кинофильма «Карнавальная ночь».

Смысл ее выступлений по существу сводится лишь к следующему: «Вот она я... Ну, да, та самая, которая в «Карнавольной ночи»... Помните?»

Увлечшись этим странным видом искусства, Людмила Гурченко словно и не замечает, что устраивает ей концерты возят из клуба в клуб, рекламируют и поднимают на штыл проходимцы типа Левцова.

Наша молодежь любит и ценит искусство. С каждым днем в рабочих и сельских клубах, в театрах и в концертных залах устраивается все больше спектаклей, концертов, творческих вечеров, встреч с мастерами искусства. Очень хорошо, что существует, ширится, укрепляется такое живое общение. Это значит, что настоящий артист, уважающий себя и свой труд, всегда найдет дорогу к сердцам зрителей. И вовсе не нужно такому артисту посредничество дельцов, которые, боясь яркого света рампы, толкуются в околотеатральных закуулках и подворотнях.

**Б. ПАНКИН,
И. ШАТУНОВСКИЙ.**

Москва.

*Комсомольская
и правды
29.11.58.*